Натали
Митчелл
Блеск ночного
асфальта

Натали Митчелл

Блеск ночного асфальта. Роман

«Издательские решения»

Митчелл Н.

Блеск ночного асфальта. Роман / Н. Митчелл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965978-1

«Губы Рона коснулись ее губ, мягко попробовали, потом захватили влажно и сильно — не вырваться. И уже в этот момент Николь поняла, что не хочет вырываться, ведь наслаждение заполнило ее всю, с внезапно ослабевших ног до головы, отказывавшейся помнить о том, что этот поцелуй должен быть единственным…»Николь рассталась с художником Джастином, но любовь не отпускает ее. Рядом с ее возлюбленным теперь красавица Мэг, которая увезла его в Нью-Йорк. А Кэтрин сбежала с сыном от деспотичного мужа…

ISBN 978-5-44-965978-1

© Митчелл Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Блеск ночного асфальта
Роман

Натали Митчелл

© Натали Митчелл, 2019

ISBN 978-5-4496-5978-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Он позвонил в четыре утра, и Николь не сразу услышала зов телефона. Но голос, прозвучавший в трубке, единственный, живший не только в памяти, но и в самой глубине души, мгновенно вытянул ее из тут же забывшегося сна.

– Джастин? Что-то случилось?

Он проговорил совсем тихо:

– Почти ничего. Или, может, лучше сказать – случилось нечто невероятное?

Николь закусила губу: «Он еле шепчет. Мэг спит рядом? Почему он не мог позвонить днем? Или она не отпускает его ни на секунду?»

– Ты ждешь подсказки? Я ведь не знаю даже, о чем идет речь…

– Не знаешь? – протянул Джастин разочарованно. – Не может быть, чтобы ты не почувствовала.

– Почему же не может…

– Ты с твоей потрясающей интуицией! Это французская кровь твоей матери сделала тебя почти ясновидящей. Ну же, солнышко, подключи свое воображение!

«Он соскучился? – заметались ее мысли. – Он, наконец, хочет вернуться? Сделать мне предложение? Порвать с Мэг? Нет. Это все из области невозможного. Нельзя и думать об этом».

Она беспомощно призналась:

– Но сейчас я ничего не вижу. Да и вообще ты преувеличиваешь…

– Неужели? Не разочаровывай меня…

И Николь не выдержала, отчаянно выкрикнула в трубку:

– Да что ты хочешь мне сказать?

– У меня будет персональная выставка!

Его голос вибрировал от ликования, а Николь сморщилась, чтобы подавить разочарование. На это ей потребовалась всего пара секунд, не больше… Она была хорошо натренирована.

– Джастин, как здорово! – воскликнула она ему в тон. – Господи, как я рада! Выставка в Нью-Йорке, мы ведь мечтали об этом!

«Мы» – она произнесла бессознательно, только потому, что так и было, но Джастин уже следующей фразой все расставил по своим местам.

– Я позвонил тебе первой, как только Мэг уснула. Мы с ней только что вернулись с вечеринки. Представляешь, я познакомился там с…

Дальше Николь слушала в пол уха, машинально вставляя восклицания, чтобы Джастин Чайлдс совсем не забыл о ее существовании на другом конце провода. Так она теперь и жила: голосом в телефоне. С тех пор, как Мэг Стонтон увезла Джастина в Нью-Йорк. Красавица Мэг… Это было уже почти год назад. Ну что ж, по крайней мере, как оказалось, не зря.

Внезапно поток его радости оборвался, хотя иссякнуть она не могла. Николь встревожено протянула:

– Джастин?

– Прости меня.

Его голос прозвучал совсем глухо, Николь едва разобрала слова. Это был тот самый голос, что произнес однажды: «Я не могу без тебя жить».

– За что? – выдохнула Николь, хотя знала – за что.

Но этот вырвавшийся вопрос не был банальным кокетством, она просто растерялась и позволила себе эту мольбу: «Скажи мне, Джастин! Прошу тебя, произнеси это вслух!»

– За то, что я не сказал тебе сразу, как блестел этой ночью асфальт, когда я возвращался домой.

«Ты должен был сказать: мы возвращались, – поправила она с тоской. – Ты ведь был с Мэг. Она теперь постоянно рядом с тобой».

Но вместо этого Николь повторила, как вышколенный психоаналитик:

– Асфальт?

– Это был блеск твоих глаз, Николь. Я смотрел себе под ноги и видел твой сияющий взгляд. Ни у кого так не светятся глаза, как у тебя…

– Джастин…

– А потом я поднял голову и увидел небо. Это была уже вся ты. Понимаешь? Твой свет и бездонность, твоя распахнутость миру, и твоя тьма, в которую хочется окунуться с головой…

– Джастин!

– Что, милая?

– Не говори мне этого, Джастин, раз ты выбрал не меня!

Она так вдавила кнопку испуганно затихшей трубки, что заныл палец. Потом швырнула телефон в угол кровати, и скорчилась возле остывшей подушки побитой, никем не любимой кошкой. Когда-то Джастин принес ей такую, уже не котенка, юную трехцветную красавицу с презрительным взглядом.

– Подучись у нее независимости, – посоветовал он со смехом. – Тебе не хватает этого.

Когда появилась Мэг, Николь сразу поняла, что он уйдет к ней. Потому что она походила на ту кошку, сбежавшую от Николь уже через день. Только Мэг была блондинкой…

Перезвонил он минут через пять. О чем думал в эти минуты? Что вспоминал? То, как она будила его по утрам, вернее, почти в полдень – художник! – на минутку прибегая из своего книжного магазина? Иногда проводила по его профилю пушистой травинкой, в другие дни шептала в ухо те слова, которые слышал от нее только он, а, бывало, по-девчоночьи расшалившись, хватала колокольчик, хранившийся в доме Николь с детства, и звенела, бегая вокруг кровати так, чтобы он не дотянулся. Но Джастину всегда удавалось поймать ее…

Или ему припомнилось, как воровато он собирал свои вещи, когда собрался ехать в Нью-Йорк, и даже не предложил ей отправиться вместе с ним? Как будто пропуском в этот город была Мэг… А Николь наказанным ребенком застыла в углу комнаты, обхватив колени, и боялась шевельнуться, чтобы ужас не вырвался из нее воплем. Джастин не должен был его слышать… Она накричалась, навылась, когда он сел в машину Мэг, уже поджидавшую возле дома. Но Джастин не знал этого, значит, и вспомнить не мог.

На этот раз Николь отозвалась в трубку ровным голосом, существовавшим для посторонних, как будто в четыре часа утра это мог быть кто-то другой.

– Скажи мне, почему ты бросила трубку именно сегодня? – спросил Джастин. – Я ведь не в первый раз звоню после отъезда.

– А ты вправду не понимаешь?

Что-то возникло в эту секунду в ее душе, так ощутимо отозвалось, что ей показалось: Джастин прежде, чем она понял – что это. Сама же Николь в тот момент не успела определить это новое в ней каким-либо словом, и только позднее догадалась, что это – разочарование.

Он не ответил, и ей пришлось пояснить:

– Когда о человеке говорят так поэтично, как ты только что, но при этом не собираются возвращаться к нему, это может значить лишь одно: с ним прощаются навсегда. Я – уже прошлое, да? До этой ночи ты не давал мне понять, что мы больше не увидимся.

Его молчание такой тяжестью осело в трубке, что Николь уже едва удерживала ее. Больше всего ей хотелось снова забросить телефон в дальний угол, чтобы не выжимать больше из Джастина заведомо лживых обещаний. Она чувствовала, что он готов уже вот-вот разразиться ими, и, как на курке, держала палец на кнопке.

– Не говори ничего, – не выдержала она первой. – Лучше бы ты и не перезванивал. И я зря взяла трубку. Нужно мне было остаться блеском ночного асфальта… У тебя под ногами.

На этот раз Николь едва вдавила серую кнопку – сил уже не осталось, и молчание Джастина прервалось новой тишиной. Той тишиной, которую отныне Николь предстояло слышать в своем доме постоянно.

Только сейчас она заметила, что так и не включила свет. В первый раз спросонья нашла телефон на ощупь, а потом глаза уже привыкли. Николь подумала об этом с иронией: «Приучаюсь жить в полной тьме… Ну что ж, я ведь сама – ночное небо!»

Отыскав сигареты, она вышла на крылечко, но утренняя прохлада погнала ее за теплым платком. Укутав голые плечи, Николь присела на верхнюю ступеньку и закурила, не отрывая взгляда от светлеющих волн. Джастин говорил, что готов провести в ее домике на побережье всю жизнь… И рисовать только сидящую на ступеньках Николь… Мэг усмехнулась бы и назвала это романтикой. В ее устах это слово было почти ругательным. Сделал ли Джастин хоть один ее портрет?

«Не нужно думать о нем, – приказала она себе. – Не надо ни вспоминать, ни надеяться… Не на что. Это лишь пустая трата времени. Да, легко говорить!»

Сигарета не успокаивала той нервной дрожи, что расходилась от сердца, и Николь бросила ее в круглую маленькую урну, стоявшую рядом с крыльцом. Там накопилось уже много таких бесполезных свидетелей ее одиночества… Пора было избавляться от них.

Пора было перестать постоянно обманываться присутствием его запаха – в постели, на улице, в своем магазине. Уже не один раз сменила простыни, те, что пропахли телом Джастина, выстиранные лежат в шкафу, может, она их и стелить больше не будет. А мостовые давно затерты сотнями чужих ног, и следы Джастина затоптаны, даже доберман не учует. В книжный же магазин Джастин и заглядывал лишь однажды – в тот день, когда они и познакомились…

«О нем ничто не должно напоминать, – внушала себе Николь. – Море совсем не схоже с цветом его глаз, они – карие. И стройным кипарисом его тоже не назовешь, хотя он высокий… Особенно в сравнении со мной. Рядом с Мэг это, наверное, не так заметно. Господи, что я несу!»

Она скорчилась, обхватив руками голову, в которой остро колотилось: боль моя, Джастин, никогда мне от тебя не излечиться! Разве я могу отделить от самой себя то, что считала единственно цельным – нас с тобой? Как же у тебя получилось проделать эту операцию, и отсечь одного сиамского близнеца от другого? Один в таком случае обычно погибает…

Я не выжила, Джастин. То, что ты изредка говоришь со мной по телефону, еще не подтверждает факт моего существования. Я вся осталась в том дне, когда ты рисовал на берегу старый маяк, а я читала, сидя на валуне, и поглядывала украдкой, как ветер треплет твои темные волосы, но ты не замечаешь, что они мешают тебе, ведь ты весь в своей работе. Что-то ты видишь в этом полуразрушенном маяке, чего не вижу я… А потом оказалось, что ты писал не маяк, а меня.

Джастин… Твое имя стонет во мне, требуя вернуть прошлое, которого уже нет, ты умчался из вчерашнего дня на автомобиле Мэг, ты уже так далеко, что даже не слышишь, как я зову тебя по ночам, презирая себя за этот зов. Ты полагаешь, что выбрал не одну женщину из двух, а будущее, ради которого столько работал… Неужели я помешала бы тебе в Нью-Йорке? Неужели я для тебя – та девушка, что способна лишь читать, сидя на большом камне у моря?

Ты не понял, Джастин. Я ведь могла любить тебя всю жизнь…

Глава 2

Кэтрин расслабилась только, когда самолет приземлился, и они с сыном пересели в автобус. Как будто Ник еще мог догнать ее в воздухе, но был беспомощен на земле Флориды, где она рассчитывала укрыться от него навсегда. Он всегда говорил, что терпеть не может океан, и только потому, что Кэтрин ничего не возражала по этому поводу, был уверен, что она разделяет его нелюбовь.

– А в каком городе мы будем жить? – прижав мордашку к стеклу с любопытством спросил Майк. Он никогда не путешествовал так далеко, и каждый новый поворот вызывал у него прилив восторга.

Кэтрин машинально заправила выбившийся ярлычок на его майке, и чуть коснулась согнутым пальцем загорелой, пухлой щеки.

– В самом лучшем, – пообещала она. – В солнечном, маленьком и тихом. Там нас никто не обидит.

– А там будет море? Ты говорила, что будет море.

– Там будет целый океан, малыш! Мы поселимся на самом берегу, и ты сможешь все время слышать шум волн. Он будет тебя убаюкивать.

Майк наморщил лоб:

– А днем? Я ведь уже не сплю днем, зачем же он будет меня убаюкивать?

Кэтрин пришлось согласиться:

– Верно, днем уже незачем, ты ведь большой. Но океан и не станет этого делать. Днем он будет рассказывать тебе разные морские истории.

– Про пиратов? – глаза Майка восторженно округлились.

– И про пиратов, и про дельфинов, и про…

– Только про «Титаник» не надо, – быстро вставил мальчик. – Я уже насмотрелся про этот «Титаник»!

«Глупая кукла! – с запоздалым раздражением подумала Кэтрин про няньку, которая так нравилась Нику. – Барби безмозглая! Она все-таки позволяла ему просиживать у телевизора целыми часами, а он ее не выдавал. Случайно проболтался…»

Но теперь ругать Майка было поздно, и она только заверила:

– Нет, про «Титаник» он рассказывать не будет. Может, про Русалочку что-нибудь новенькое сообщит… Ты не против?

– Про Русалочку? – он ненадолго задумался, потом с важным видом позволил: – Про нее пускай… Она ничего. Хорошенькая.

Кэтрин устало закрыла глаза: «Хорошо хоть не сказал: сексапильная. Или что-нибудь в этом духе. Ему уже шесть, жди вопросов со дня на день. А, может, нянька его уже и в этом просветила…»

Подплывающие сны высвечивали отступающие в прошлое лица Ника, молоденькой белокурой няньки, соседей, с которыми Кэтрин не стала прощаться даже намеком, чтобы их с сыном бегство стало полной неожиданностью абсолютно для всех. Иначе кто-нибудь мог проболтаться ее мужу, ведь в округе Ника знали, как веселого и щедрого парня, по субботам охотно угощавшего приятелей пивом. Никто и не подозревал, как ломает от щедрости его кулаков все ее тело…

Она решилась бежать, когда Майк, жалея ее в углу кухни, куда Кэтрин забилась, пытаясь спрятаться от мужа, горячо прошептал:

– Я убью его, когда он уснет. Ножом заколю.

И она поняла, что тянуть больше нельзя. Раз Ник не соглашается развестись по добру, и оставить ее в покое, она просто скроется вместе с сыном, и начнет жизнь заново. Разве это невозможно?

Кэтрин заерзала, настигнутая этим сомнением. Как она справится? В чужом городе с ребенком и без денег? А что, если в местных школах не окажется вакансии? Маловероятно, конечно, но ведь может такое быть? Что еще она умеет делать?

«Я справлюсь!»

Ей хотелось произнести это твердо, а вышло жалобно, что напугало ее еще больше. Открыв глаза, Кэтрин с тревогой осмотрелась: незнакомые люди вокруг. Разве они помогут ей? С чего бы им подставлять ей плечо, если родной муж только и знал, что стряхивал ее руку, когда она пыталась уцепиться за него, удержать дома?

Ника бесило все, что она предлагала: поиграть с сыном, сходить в театр, ну хотя бы в кино, пригласить кого-нибудь к себе, просто погулять, в конце концов! Ему просто не хотелось находиться с ней рядом. Почему же он не отпускал ее?

Ее беспокоило то, что даже в собственных глазах выглядело неблагородным: она не могла вспомнить о Нике ничего хорошего. Ведь должно же было хоть что-то случиться в их прошлом… Хотя бы, когда он ухаживал за ней… Но вспоминалось только, как он на первом же свидании навалился на нее в машине, твердыми коленями, грубо раздвинул ей ноги, разорвал белье…

Кэтрин лепетала что-то на счет того, что слишком рано, что она еще не готова, в общем, несла обычную в таких случаях чушь, которую никто из распаленных желанием мужчин не воспринимает всерьез. А надо было просто двинуть ему между ног, чтобы он по полной ощутил, что ее колено, если потребуется, может оказаться не менее твердым.

Но Кэтрин никогда не была способна на это. Поднять на другого руку? Ударить его хотя бы словом? Да она младшего брата ни разу не шлепнула, не говоря уже о сыне, который стал для нее не просто всем в жизни, а самой жизнью.

И Ник сразу распознал эту ее беспомощную доброту, готовность простить любую обиду за пару добрых слов. Вот только этой пары слов она от него так и не услышала…

Глава 3

Город Вайтстоун Кэтрин выбрала буквально ткнув пальцем в карту. Ей представился белесый каменистый пляж, широкая улыбка солнца и нестерпимо синяя морская гладь, прохладой которой можно смыть самые тягостные воспоминания.

«Там должны жить счастливые люди», – подумала Кэтрин, вообразив все это, и ей так остро захотелось, приобщиться к этому тайному сообществу счастливчиков, что о другом городе она уже и слышать не хотела. Она спешила сюда, то и дело замирая от радостного предчувствия, хотя все тревоги и сомнения в собственной жизнеспособности, по-прежнему были с ней. Но ласковый ветер Флориды уже напевал Кэтрин о том, что в этом райском месте может случиться даже то, о чем совсем не мечталось.

И первой, кого она увидела в этом городе была девушка, портрет которой следовало бы поместить на щите «Добро пожаловать в Вайтстоун!» Темные глаза этой девушки светились так, будто она торопилась на встречу с человеком, которого любила и ждала много лет. А улыбка дрожала на ее неярких, изысканного рисунка губах солнечным пятнышком, которым надо любоваться сейчас, сию секунду, не то ускользнет… Ее гладкие черные волосы были коротко, высоко сзади подстрижены, и это делало ее голову, изящной, и почему-то наводило на мысль о француженках. На ней было узкое светлое платье, не доходившее до колен, которые преступно было скрывать, и кремового цвета «лодочки» на низких каблуках. Она шла легко и быстро, рождая ощущение скользящего солнечного луча. За которым хотелось немедленно побежать следом, напрочь забыв намеченный маршрут.

Невольно замедлив шаг, Кэтрин проследила, кому навстречу спешит эта удивительная девушка. И была обескуражена, когда та прошла мимо автобуса, который привез их с сыном, и камеры хранения, где они оставила сумку, затем миновала небольшую площадь и скрылась за дверью книжного магазина.

– Интересно, какую же книгу она так мечтала купить? – пробормотала Кэтрин.

Ей необходимо было заниматься своими делами, срочно искать жилье и работу, а она почему-то все стояла посреди зеленой улочки, и ждала, когда та девушка выйдет из магазина. Кэтрин никто не смог бы назвать привлекательной женщиной, но к чужой красоте она относилась без раздражения и зависти. Может, потому, что в юности мечтала стать художницей, чтобы создавать красоту своими руками.

Но она так и не успела ничего создать, потому что встретился Ник, она вышла за него, послушавшись матери, твердившей, что с ее внешностью лучшего ждать не приходится. Кэтрин стала учительницей младших классов, и теперь год за годом пыталась убедить себя, что занимается нужным и благородным делом. А красота… Она ведь существует и без нее…

– Мам, мы идем?

Сын нетерпеливо теребил ее руку. Очнувшись, Кэтрин благодарно улыбнулась своему мальчику: «Вот главное оправдание моей жизни!»

– Сейчас идем. Я вот подумала: надо нам купить карту этого города, чтобы не заблудиться. Видишь там книжный магазин?

– Вон тот маленький? – сморщился Майк.

– Тут все маленькое… Неужели тебе это не нравится? Ты ведь и сам маленький.

– Нравится, – протянул он без воодушевления.

Кэтрин потянула его за руку:

– Давай зайдем туда? Заодно и спросим, где можно найти крышу над головой.

– Крышу? – озадаченно повторил мальчик. – А стены нам разве не нужны?

Она рассмеялась, и вдруг ощутила, как внутри отозвалось что-то легкое, веселое, какое-то удивительное предчувствие счастья. Ей подумалось, что это проникла к ней в душу солнеч-

ная пыльца радости, рассыпанная той девушкой… Потянув сына, Кэтрин перебежала площадь, заодно спугнув целую стаю голубей, которые возмущенно защелкали крыльями, забормотали.

Майк взвизгнул и захохотал, подпрыгивая мячиком, ему явно хотелось поймать какого-нибудь голубя, но Кэтрин тянула его вперед. У нее возникло страшное подозрение, что в магазине есть другой ход и незнакомка уже ускользнула в неизвестность.

«Так что с того? – попыталась Кэтрин осадить свое нетерпение, ей смой уже казавшееся неприличным. – Мы ведь с ней даже не знакомы. Может, она дура дурой? Ох нет, нет, – спохватилась она, – нехорошо так о незнакомом человеке! И потом… Она ведь ничуть не похожа на нашу няньку… Все-таки Ник спал с ней или нет? Впрочем, какая теперь разница?»

Опередив мать, Майк первым рванул дверь с медным кольцом, тоже немного старомодным, и, задрав голову, дослушал, как звенит колокольчик, возвещающий о приходе покупателей.

«Видимо, их немного», – с сочувствием отметила Кэтрин. Ей хотелось бы, чтобы книжные магазины были переполнены, но такого, наверное, не было ни в одном городе мира. Она шагнула за сыном следом и разочарованно замерла у порога. Магазинчик вообще был пуст. Та девушка ускользнула, не поделившись своим умением радоваться тому, что просто живешь в этом мире.

– Пойдем, – позвала она сына упавшим голосом.

Майк возмутился:

– А карта?

– Ах, да. Карта. Где тут продавец?

– Простите! – донесся откуда-то женский голос. – Секундочку!

Послышался грохот и приглушенное бормотание – похоже было, что продавщица вовсю ругалась, уронив пачки книг. Усмехнувшись, Кэтрин огляделась, надеясь найти карту города самостоятельно, но названия любимых романов отвлекли ее внимание на себя. Она протянула руку: «Моби Дик», «Кентавр», «Над пропастью во ржи»…

– Здесь у вас в основном детские книги? – спросила она громко.

Но ответ прозвучал буквально за ее спиной:

– Разве Апдайк писал эту книгу для детей? Вы помните только то, что главному герою пятнадцать?

Кэтрин обернулась и едва не вскрикнула: перед ней была та самая девушка. Она и сейчас улыбалась, хотя узкие крылья носа были покрыты испариной, видно, ей только что пришлось потрудиться. Не слишком изысканным жестом, она отерла лицо тыльной стороной ладони.

– По-моему, шестнадцать, – машинально продолжила Кэтрин разговор о «Кентавре». – А вы – продавец? – добавила она, почему-то не веря в это.

– И продавец тоже, – согласилась та. – Это мой магазин. Отец оставил мне его со всеми сокровищами и долгами. Что вы ищете?

Она присела перед Майком, блеснув загорелыми коленями:

– Что-нибудь для тебя?

– Мы ищем карту города, – отозвался мальчик с солидностью в голосе. – У вас найдется такая?

Она улыбнулась:

– Только для тебя. А вы с мамой – туристы? У нас проездом в дальние края?

– Нет, мы будем здесь жить, – твердо ответил он. И для солидности нахмурил брови.

«Совсем, как Ник», – отметила Кэтрин с тревогой. Вообще-то сын был похож на нее (все твердили, что это – к счастью!), но иногда в нем проступало что-то отцовское. Ей бы хотелось, чтоб этого не было вовсе…

Снизу взглянув на Кэтрин, девушка задумчиво проговорила:

– Вот как… И где же вы собираетесь остановиться? Извините мое любопытство, но…

Она не нашлась, что добавить к этому «но», и Кэтрин подхватила нить разговора:

– Мы еще ничего не подыскали. Может быть, вы подскажете? Вам ведь, наверное, каждый камень в вашем городе известен?

– Не так хорошо, как вы думаете, – она выпрямилась и пробормотала, глядя в сторону. – Иногда думаешь, что знаешь… нечто досконально, только потому, что она долгое время было совсем близко, а потом оказывается…

Подумав о муже, Кэтрин согласилась:

– Бывает. Но это выясняется довольно быстро.

– Не всегда, – она вдруг протянула руку. – Меня зовут Николь.

Кэтрин вздрогнула: ей послышался отголосок имени мужа.

– Николь? – повторила она с опаской.

– Моя мама была француженкой, поэтому… Кэтрин? Майк? – повторила она, не интересуясь фамилией. – Я не забуду.

– Вы думаете, мы придем к вам еще и за книжками? – Майк умоляюще посмотрел на мать.

– Надеюсь, – серьезно отозвалась Николь. – Но я не об этом… Кэтрин, если вас устроит… Я могу поселить вас с Майком в своем доме. Он небольшой, но достаточно вместительный. А я… Я больше не могу выносить эту тишину!

Словно сама испугавшись вырвавшегося признания, Николь закусила губу, и уставилась на Кэтрин исподлобья. Она была ненамного моложе, теперь Кэтрин разглядела это, но сейчас вела себя, как ее провинившаяся дочь. И Кэтрин захотелось запустить руку в ее короткие темные волосы, и ласково потрепать.

– Почему бы нет? – она вопросительно кивнула сыну, и тот в ответ радостно замотал головой. – Если мы вас совсем не стесним… А ваш дом далеко от моря?

Николь просияла:

– В пятидесяти футах.

– Это далеко? – обеспокоено поинтересовался Майк. – Я услышу, что мне рассказывает океан?

– Это я тебе обещаю, – сказала Николь. – А если он вдруг устанет, я сама тебе что-нибудь расскажу.

Глава 4

Нежданная радость – вот как она называла про себя этого мальчика, заполнившего ее дом смехом, топотом, ворохом вопросов, которыми Николь уже была обвешана, как круглыми серьгами, каких никогда не носила. Почему-то теперь Майк чаще обращался именно к ней. Николь предполагала, что матери он эти вопросы уже задавал, и хотел проверить: не существует ли других ответов?

Иногда мальчик оставлял в покое обеих – хотя ни одной из них он и не был в тягость – и с воплями носился вдоль кромки прибоя, изображая кого-то, может быть, виденного в кино.

– Она тайком позволяла ему смотреть телевизор, – поясняла Кэтрин, имея в виду их бывшую няньку, и рот ее болезненно кривился на слове «она». – Чтобы не мешал, она усаживала его с собой смотреть эти дурацкие «мыльные оперы».

Николь подозревала, что с этой безымянной нянькой связано гораздо больше неприятного, чем запрещенный просмотр сериалов. До сих пор она не спрашивала Кэтрин о причинах ее появления здесь, и не выпытывала за ее спиной у Майка. Тот, наверное, шепнул бы ей по секрету, но потом Кэтрин могла узнать, и это непростительное любопытство Николь могло стать той черной кошкой, которая и более крепкую дружбу способна сломать.

Пока трудно было назвать их подругами. Они вместе сидели вечерами на крылечке, Николь читала и курила, Кэтрин просто приглядывала за сыном, еще не чувствуя в себе готовности углубиться в перипетии чужих судеб, пусть даже книжных.

Им было спокойно вместе, но они почти ни о чем не разговаривали, только сообщали друг другу не слишком важные дневные новости. Однако, чем жила и дышала каждая из них, что ей снилось, что вспоминала, глядя на закат, – это было неизвестно той, что сидела рядом. И ни одна из них пока не решалась нарушить это равновесие общего незнания.

Николь помогла Кэтрин найти работу. Правда, не в школе, на что та рассчитывала. Но там действительно не оказалось свободных мест, похоже, никто из учителей не уезжал из этого городка, и это повергло Кэтрин в отчаяние. И тогда Николь предложила ей давать частные уроки всего одному ребенку.

– Но это очень хорошо оплачивается, – заверила она. – Богатая семья. Самая богатая в нашем городе. Я вообще не понимаю, почему они поселились именно здесь! – добавила Николь с незнакомым раздражением в голосе. – Обычно состоятельные люди выбирают другие места. Вообще-то Рон Коллиз родом отсюда, но я, на его месте, лучше не возвращалась бы сюда.

– Почему?

Николь ответила уклончиво:

– Как-нибудь потом…

– Почему они не отдадут ребенка в обычную школу? – настороженно поинтересовалась Кэтрин.

– Это девочка, – уточнила Николь. – Они назвали ее Нора. Может, кто-то из них – поклонник Ибсена?

Кэтрин вспомнила:

– «Кукольный дом»…

Кивнув, Николь продолжила:

– Во всяком случае, Рон Коллиз частенько заглядывает в мой магазин. Вот его жена, Маргарет, была всего пару раз. А он иногда заказывает безумно дорогие книги! Каждый из таких заказов перекрывает мой недельный доход.

– Так что там с их девочкой? – напомнила Кэтрин.

Николь махнула загорелой рукой, едва не выронив сигарету:

– Извини. Я, наверное, немного помешана на своем магазине… Так вот, эта девочка, Нора, она немного… необычная.

– Она страдает даунизмом?

Николь мотнула стриженой головой:

– Я бы не сказала… На мой взгляд, она ничуть не отстает от остальных. А кого-то, может, и опережает. Но она… Не такая, как все. Она словно видит не то, что существует на самом деле, а нечто свое. Вот этот наш мир представляется ей совсем другим.

«Тебе ведь тоже, – подумала Кэтрин с оттенком зависти. – Ты улыбаешься этому миру, а разве он этого заслуживает?»

– Видела бы ты ее лицо, когда она бродит по моему магазину! Так и видится, что она попала в пещеру с сокровищами. По сути, так и есть… Рон скупает ей книги полками!

– Но если она так начитана и неглупа, почему же она не может справиться со школьной программой?

Николь удивилась:

– Кто сказал, что не может? Рон опасается, что в школе над ней будут смеяться, и это ранит ее. Дети ведь бывают жестокими даже в частной школе. Только поэтому он нанимает ей учителей. Последняя только что уехала, и сейчас это место свободно.

Кэтрин посмотрела на нее с опаской:

– А почему уехала предыдущая учительница?

Засмеявшись, Николь заверила:

– Ничего страшного не произошло! Просто ее жених наконец получил наследство, и она помчалась на долгожданную свадьбу. Они все ждали, когда скончается его дедушка.

– Не очень-то благородно, – проворчала Кэтрин.

– Согласна. И не современно, правда? Но они так замыслили свою жизнь, это их дело.

Помахав сыну, который издали показал обнаруженную им в воде ракушку, Кэтрин спросила:

– Ты никогда никого не осуждаешь?

– О Господи! – вздохнула Николь. – Мне ли осуждать кого-то? Я еще ничего толкового не сделала со своей жизнью.

– У тебя есть дом, у тебя есть магазин… Ты молода и красива. Что тебя не устраивает?

Николь повернулась. Она не улыбалась, и смотрела так, будто Кэтрин сознательно ударила по больному, да еще и отказывалась это понять.

– Это все мне дали, – сказала она серьезно. – Все, что ты перечислила. Моей заслуги нет в том, что я всем этим владею. Вот у тебя есть сын, ты сама родила его, этим можно гордиться. А у меня – ничего.

– Большинство людей мечтают о том, чтобы им даром досталось все то, что есть у тебя.

– Я знаю, – спокойно согласилась Николь. – Джастин тоже всегда говорил, что я слишком строга к себе.

Кэтрин замерла. Впервые Николь протянула ей соломинку, по которой можно было перебраться в туман ее прошлого. Случайно это вышло или нет, но особое имя уже прозвучало, и нельзя было позволить ему просто повиснуть в воздухе.

И Кэтрин подхватила:

– Джастин? Кто это? Если не секрет…

Без видимого недовольства, Николь пояснила:

– Это мой друг. Он – художник. Очень талантливый… Когда-то мы были… близки, но он… – она с усилием сглотнула, будто у нее внезапно пересохло в горле. – Он уехал в Нью-Йорк. И правильно сделал! Только там он сможет чего-то добиться.

«Почему ты не поехала с ним?» – вертелось у Кэтрин на языке, но Николь так впилась в свою сигарету, что ей показалось преступным подталкивать ее вглубь этой боли, которой

она жила до сих пор. Глубоко вдохнув, Кэтрин сказала себе: ты обязана сделать ответный шаг, чтобы она не чувствовала себя более обделенной судьбой.

– А я сбежала от мужа, – она произнесла это почти весело, чтобы Николь стряхнула осевшую на ее плечи тяжесть. – Забрала Майка и удрала тайком, чтобы он не успел нас остановить. Его зовут Ник. Когда ты впервые назвала свое имя, меня слегка передернуло, они ведь звучат похоже. Извини.

Николь улыбнулась и кивнула:

– Я заметила это еще в магазине, только не поняла, чем тебе так не понравилось мое имя… Этот твой муж… Он обижал вас?

– Меня. Майка он, слава Богу, не трогал. Но Майк не мог смотреть на это спокойно…

– Это хорошо.

– Думаешь? Он пригрозил убить отца, если тот еще хоть раз тронет меня.

Николь кивнула:

– Это уже хуже… Но он, конечно, не сделал бы этого. И все же хорошо, что ты не стала проверять этого. Ведь если бы Майк не решился вступиться за тебя, – а так, скорее всего, и было бы, – то малыш потом презирал бы себя всю жизнь. И это отравило бы ее… Ты – молодец. Мне всегда не хватало такой решительности.

Кэтрин покосилась на нее с недоверием:

– Ник всегда считал меня размазней. В общем-то я такая и есть… А вот, когда я впервые увидела тебя, мне показалось, что ты как раз очень решительная и независимая.

– Как трехцветная кошка, – непонятно отозвалась Николь и рассмеялась. – Нет, это как раз не я. Если б я была такой, то сейчас жила бы в Нью-Йорке. Потому что Джастин искал в женщине именно это. Как оказалось…

– Он… – начала Кэтрин и не смогла произнести этого. Просто язык не повернулся.

Но Николь уже кивнула:

– Он уехал с другой. Она – его агент. Она и вытащила его отсюда. Я не смогла этого, – она усмехнулась. – Как далеко увела нас Нора! Я же говорила, что это очень необычная девочка…

Глава 5

Рон Коллиз разрешил Кэтрин приводить на занятия и Майка, рассудив, что его дочери не повредит общество малыша, но в первый раз Кэтрин отправилась на их виллу одна. До этого дня она еще не виделась ни с Роном, ни с его женой Маргарет, и это казалось ей несколько необычным. Всё было оговорено или через Николь, или по телефону, и это заставляло Кэтрин думать, что девочке Коллизов было от кого унаследовать странность.

Впрочем, говорила она себе, пока я не увидела их всех своими глазами, нельзя судить ни о чем. Да и когда мы встретимся, лучше не спешить с выводами. Некоторые люди и самих себя не узнают, как следует, за целую жизнь, где уж другим…

Устремленная к небу вилла Коллизов несколько возвышалась над Вайтстоуном, словно эта семья взяла на себя труд присматривать за жизнью горожан. А вот вмешаются ли они, если потребуется помощь, этого Кэтрин пока еще не знала. С недавних пор ей претила мысль о чьем-либо покровительстве, потому что сейчас смысл ее существования заключался в том, чтобы выжить без помощи других людей. Особенно – более сильных, более богатых, более влиятельных.

И еще. Она приняла некое подобие помощи от Николь, невозможно же было отвергать вмешательство самой жизни! Но Кэтрин ни за что не согласилась бы на поддержку мужчины. Мужчины, как такового… Ей не хотелось думать, что, благодаря Нику, сделалась феминисткой, но она собиралась перестать быть размазней. Хотя бы в собственных глазах…

«Архитектор явно был истовым католиком, – она усмехнулась, разглядывая узкие, островерхие башенки дома, куда ей предстояло войти. – Если и внутри все пропитано этим духом, то у Норы не слишком веселое детство. Да это уже и понятно… От хорошей жизни дети не становятся диковатыми».

Но сад, куда Кэтрин вошла, еле дыша после крутого подъема, покорил ее своей буйной не ухоженностью. Здесь не было ни подстриженных кустов, ни геометрически правильных клумб, все росло, как росло, и это, видимо, никого не раздражало. Такое зримое присутствие вольного духа подбодрило Кэтрин. Она задышала ровнее, и пошла быстрее, широко размахивая руками, хотя обычно двигалась несколько скованно, постоянно помня о том, что Ник считает ее неуклюжей.

Перекликающиеся в ветвях, спрятавшиеся от глаз птицы, и переплетения теней, в которых дрожали солнечные пятна, и свежая, тонкая, не оглушающая смесь ароматов, все это проникало сквозь кожу Кэтрин, наполняя все ее существо ликованием, не имеющим объяснения. Ей захотелось запеть, чего она не делала уже несколько лет… Да с тех пор, как вышла за Ника замуж! Его раздражал ее голос. Все в ней раздражало его. Особенно то, что она была его женой. Почему она мирилась с этим столько лет?

Шаловливо оглядевшись, она запела вполголоса песенку Уитни Хьюстон, и, запрокинув голову, улыбнулась яркому небу.

«Вот оно – счастье!» – неожиданно подумалось ей, хотя ничего особенно радостного пока не произошло, и предстояло встретиться с незнакомыми, судя по всему, довольно непредсказуемыми людьми, которым необходимо было понравиться, чтобы получить работу, и не умереть от голода вместе с Майком. Но ведь ощущение счастья зачастую не привязано к каким-либо событиям, оно просто витает в воздухе, и, то и дело, опускается на кого-то солнечной пыльцой… И ты помнишь то, что снизошло на тебя так внезапно, целую жизнь.

Когда она подошла к крыльцу, ее радость несколько померкла, вытесняемая утренним волнением, которая Кэтрин подрастеряла, бродя по саду. Теперь все вернулось вновь, и она со страхом смотрела на дверь, напоминающую плитку молочного шоколада.

«Это необходимо сделать», – удрученно напомнила она себе, и протянула руку к большому медному кольцу, намереваясь возвестить о своем приходе стуком. Но ее опередили. Дверь распахнулась, заставив Кэтрин слегка шарахнуться, и высокий, загорелый мужчина с пепельным от седины ежиком волос широко улыбнулся ей навстречу. Но первые слова его были обращены явно не к Кэтрин.

– Я ведь говорил тебе, что это вовсе не фея. Миссис Малз, если не ошибаюсь?

– Кэтрин Малз, – согласилась она. – Мистер Коллиз? Я не опоздала? Подъем дался мне труднее, чем я полагала. Но это ничего, – тут же заторопилась Кэтрин, – я люблю ходить. Это полезно, и…

Заметив поодаль за его спиной девочку лет восьми, она быстро переключилась на нее:

– А ты, наверное, Нора? Привет! Почему ты приняла меня за фею?

Нора выступила вперед и застенчиво улыбнулась:

– Ты пела. Мне однажды приснилась фея, которая танцевала и пела в нашем саду.

– Я не танцевала, – смутилась Кэтрин.

Усмехнувшись, Рон Коллиз пригласил ее жестом:

– Прошу в дом! Моя жена сейчас спустится.

Бросая осторожные взгляды по сторонам, Кэтрин прошла за ним следом в светлую гостиную, где были распахнуты все окна, и ветер то и дело начинал забавляться букетами, расставленными по всей комнате. Как маленький безмолвный страж, девочка шла позади Кэтрин, и явно присматривалась к ней.

«Но вот странно! – подумала Кэтрин. – Ощущения неловкости не возникает».

Она еще помнила, как начинала спотыкаться, когда чувствовала, что Ник наблюдает за ней, и все валилось у нее из рук, хотя в его отсутствие, Кэтрин все делала быстро и ловко.

«Он действовал на меня, как удав», – ей было неприятно, что о муже вспоминается только плохое, лучше бы не думать о нем вообще.

– Присаживайтесь, миссис Малз.

– Кэтрин, если можно.

– Отлично! Кэтрин, – он уселся в кресло напротив, расставив крепкие колени, не прикрытые светлыми шортами, а дочь опустилась на подлокотник, прижавшись к отцовскому плечу. – Итак, Кэтрин, это Нора, как вы уже поняли. Меня зовут Рон, мою жену – Маргарет.

– Да, я знаю, – кивнула Кэтрин. Глупо было скрывать, что Николь уже снабдила ее необходимой информацией.

У него на мгновенье застыло лицо, будто Рон кого-то увидел за ее спиной.

– Николь…

Он не закончил фразу, будто не нашелся, что добавить к этому имени, и Кэтрин пришлось подхватить:

– Да, Николь назвала мне ваши имена. Это она предложила мне эту работу.

– Я знаю. Скажите, Кэтрин, вы давно знакомы с Николь Роджерс?

– Что вы! Всего несколько дней. Я недавно в Вайтстоуне.

– Прекрасно, – пробормотал Рон, не пояснив, к чему это относится. – И что же Николь еще интересного рассказала вам про… про нас?

– Только то, что ваша бывшая гувернантка скоропостижно вышла замуж, и потому оставила это место, – ответила Кэтрин твердо, чтобы у него не возникло желания пытать ее дальше.

Нора шевельнулась:

– Она была злой.

– Не говори так, милая, – попросил Рон. – Кэтрин может подумать, что ты осуждаешь эту девушку.

Вскочив, девочка сжала кулачки:

– Но ведь она была злой! Она пнула Джерри.

– Это собака, – пояснил Рон и усмехнулся. – Честно говоря, Джерри частенько вынуждает дать ей под зад, так что не удивительно…

– Но ты ее не пинаешь! – не унималась Нора.

Кэтрин сочла нужным пообещать:

– Я не трону Джерри. Надеюсь, она не укусит меня первой, и мне не придется отбиваться.

Посмотрев на нее с изумлением, девочка слегка приподняла подбородок и заверила:

– Джерри никогда не трогает фей.

– А их у вас много? – вырвалось у Кэтрин.

Рон хмыкнул и пробормотал что-то вроде: «Если бы…», но его дочь ответила вполне серьезно:

– По ночам много. Они танцуют на лужайке перед домом. Очень красиво.

– А кто им играет?

Выпуклый лобик наморщился:

– Играет?

Кэтрин уточнила:

– Они ведь танцуют под музыку?

Словно с трудом припоминая, Нора ответила ей не сразу:

– Под музыку… Только я ни разу не видела, чтобы кто-то им играл. Музыка сама звучит. Она… она льется прямо с неба!

– Прекрасно, – опять пробормотал Рон. – Итак, вы уже представляете всю картину, не так ли, Кэтрин?

– В общих чертах…

– Особых трудностей возникнуть не должно, – заверил он, – конечно, если учитывать… Ну, вы понимаете. Нора – довольно способная девочка, да, малышка? Хотя и чертовски ленивая, на мой взгляд.

За спиной Кэтрин раздался негромкий голос:

– Ты просто многого требуешь от нее, Рон.

– Привет, Маргарет, – бесстрастно произнес он, но лицо его будто окаменело. – Познакомьтесь, Кэтрин, это моя жена. К твоему сведению, Маргарет, я вообще ничего не требую. Тем более от Норы.

Маргарет Коллиз наводила на мысль об осеннем дожде. В ней была та же неспешность, и та же грусть, и некоторая холодность, возможно, только оттого, что она была слишком поглощена своей грустью.

«Для которой должны быть причины… Ее девочка нездорова, этого уже достаточно», – решила Кэтрин, хотя она помнила матерей инвалидов, которые были полны энергии и решимости научить своих детей вести полноценную жизнь. А эта девочка, Нора, не производила впечатления совершенно неадекватного ребенка.

Закурив вставленную в мундштук тонкую сигарету, Маргарет опустилась на банкетку возле окна и почти отвернулась от происходящего в комнате. Длинные темные волосы отчасти закрывали ее лицо, и Кэтрин так и не удалось разглядеть эту женщину как следует. У нее осталось ощущение чего-то смутного, неуловимого…

Рон проследил за женой, не произнеся ни слова, затем снова обратился к Кэтрин:

– Насколько я понимаю, у вас нет рекомендаций, но я их и не требую. Если я сочту, что ваши методы преподавания и воспитания неприемлемы для моей дочери, то мы с вами расстанемся, вы должны понимать это. Но я уверен, что все сложится просто прекрасно!

– Я тоже уверена, Рон, – ответила Кэтрин, хотя в тот момент не была уверена ни в чем.

Глава 6

Первым делом, Нора потащила ее в беседку, спрятавшуюся в другом конце сада, мимо нее Кэтрин не проходила. Та самая Джерри, большая, пятнистая псина, («Кажется, это сенбернар», – подумала Кэтрин), которая донимала предыдущую гувернантку, сопроводила их до места назначения, и завалилась на траву. Взгляд ее постоянно плачущих, с опущенными краешками глаз, не вызвал у Кэтрин содрогания, хотя до этого ей редко приходилось иметь дело с собаками. Особенно большими. Но Джерри принадлежала Норе, и это словно окружало собаку теплым ореолом особенности, непохожести на других.

– Здесь я слушаю, – сообщила девочка, выпустив руку своей гувернантки, и устроившись на широкой, потемневшей от времени скамье.

Стряхнув сухие листики, Кэтрин присела рядом и осторожно спросила, понизив голос:

– А что ты слушаешь, Нора?

– Музыку, – ответила та, покосившись на нее с непониманием. – А ты разве не слышишь?

Кэтрин прислушалась. Другие птицы пели теми же голосами и с той же радостью, деревья напевали свои летние баллады… Может, она эту музыку и имела в виду?

– Да нет же! – Нора нетерпеливо заерзала. – Я же о настоящей музыке говорю! Скрипки, рояль… Ты что, тоже их не слышишь?

– Как жаль, – вырвалось у Кэтрин. – Наверное, у меня что-то не в порядке со слухом. Как мне хотелось бы послушать эту музыку!

Девочка повернулась и требовательно всмотрелась в ее лицо. Длинные прямые волосы, которые были гораздо светлее материнских, свисали вдоль загорелых щек, но не придавали ее лицу унылого выражения. Оно было вдохновенным и задумчивым, не веселым, но и не таким трагически-печальным, как у Маргарет.

– Но ты мне веришь, что я-то слышу?

– Конечно, – немедленно подтвердила Кэтрин. – Нора, ты, наверное, будешь композитором! Они все с детства слышали ту музыку, которую никто еще не написал.

У девочки просияли глаза. Они были большими, серыми, но очень яркого оттенка.

– Композитором! Никто еще не говорил мне этого! А ты научишь меня играть на рояле?

– А ты не умеешь? – Кэтрин была обескуражена. – Как же ты слышишь, если… Я думала, сперва нужно научиться играть самой… Впрочем, – на миг задумавшись, возразила она самой себе, – это глупость – то, что я сказала. Если в тебе звучит музыка…

Нора оборвала ее:

– Но она звучит не во мне, а вокруг!

– Хорошо, – покорно согласилась Кэтрин. – Беда в том, Нора, что я тоже не умею играть на рояле. Вот незадача… Я могу преподавать тебе только обычные школьные предметы. А для этого твоему отцу придется нанять учителя музыки. Мне жаль…

Нахмурившись, девочка сползла со скамьи и отвернулась, присев на корточках. Ее голос зазвучал угрюмо:

– Папа хочет, чтобы меня учила Николь. А мама этого не хочет.

– Николь умеет играть рояле? – удивилась Кэтрин, и тут же вспомнила, что в доме, где теперь жили и они с сыном, действительно есть фортепиано. Однако Николь ни разу даже не подняла крышки…

Снисходительным тоном Нора заверила:

– Она лучше всех играет. Правда, я только один раз слышала, но папа говорит, что Николь еще в детстве мечтала стать пианисткой. Жалко, что не стала, правда?

– Правда, – машинально отозвалась Кэтрин. Она пыталась представить Николь на залитой светом сцене, и соглашалась с тем, что это было бы великолепно.

Нора произнесла уже с меньшим восторгом:

– Мама тоже умеет играть, только папа запрещает ей учить меня.

Кэтрин очнулась:

– Запрещает? Почему?

– Ну, почему! – девочка вскочила, откинув волосы, и неспешно прошлась по беседке. – Потому что она не так уж хорошо играет. А папа говорит, что у меня должно быть все самое лучшее.

Кэтрин призналась:

– Не думаю, что я самый лучший учитель в мире.

Губы Норы исказила взрослая усмешка:

– На это он согласен.

– А почему твоя мама не хочет, чтобы тебя учила Николь?

Нора остановилась:

– Неужели непонятно? Папа же до смерти влюблен в Николь!

Обратно Кэтрин возвращалась, едва волоча ноги от усталости, хотя теперь приходилось спускаться со склона. Все увиденное и узнанное ею в этом доме, так придавило ее, что Кэтрин казалось: она вручную вскопала весь огромный сад Коллизов. Рон влюблен в Николь, и об этом знают все, вплоть до маленькой девочки.

И сама Николь тоже, конечно, знает… Можно ли не догадываться о таком? Почему же она не предупредила ее? Впрочем, что это меняет для нее, как для гувернантки маленькой Норы?

– Ты не сказала мне, что именно ты была причиной того, что Рон Коллиз поселился здесь, – заметила Кэтрин уже за ужином, который сама приготовила, поборов усталость. И достала припасенную бутылку вина. Надо же было как-то отпраздновать ее первый день в новом качестве.

Николь подняла голову, и заметно поморщилась:

– Ты уже в курсе… Нора проболталась?

Майк хихикнул, прислушавшись, потом включил телевизор, и уставился на экран. Комнату тотчас наполнили звуки взрывов и автоматных очередей.

– О, только не война, Майк! – взмолилась Николь. – Умоляю тебя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.